

The background is a solid light orange color. Overlaid on this are several darker orange geometric shapes. On the left, there's a large, irregular shape that resembles a building's profile. To its right, there's a vertical rectangular shape with several small squares inside, suggesting windows. Below these, there are more horizontal and vertical shapes, some of which could be interpreted as a dog's silhouette, particularly the lower part of the body and legs.

ДИНА РУБИНА

СОБАКА

Дина Ильинична Рубина

Собака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163777

Эксмо;

ISBN 978-5-04-148330-2

Аннотация

«Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал – не стоит привлекать внимания судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк...»

Дина Рубина

Собака

Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал – не стоит привлекать внимания судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк.

Судьбы он боялся, и никогда не строил планы дальше чем на завтрашний день – боялся, что судьба обозлится на него за легкомысленную самоуверенность. Может, это было единственным, чего он боялся в жизни...

А в этот раз даже не смог забежать к Ирине перед поездкой – с матерью случился очередной сердечный приступ, и после вызова «Скорой» он просидел весь вечер дома – неловко было оставлять мать одну.

Ирина ждала его и, конечно, волновалась; надо было позвонить, и он долго приготавливался к этому звонку – выкурил две сигареты, написал ответ на деловое письмо, которое валялось уже месяц на холодильнике, посмотрел по телевизору «Кинопанораму». И оттого, что звонить надо было непременно, и оттого, что он знал заранее все ее слова и интонацию, с которой эти слова будут произнесены, в нем возникло и завибрировало раздражение, как частенько случалось за последний год, – зудящее раздражение на мать, на

Ирину – на этих двух женщин, делающих жизнь непереносимой.

Набирая номер и глядя исподлобья на экран телевизора, где копошилось на стволе диковинного растения какое-то диковинное сумчатое, он подумал: ее можно понять, она, конечно, устала...

– Ира! – бодренько начал он. – Тут такое дело, понимаешь. Я никак не смогу сегодня. У мамы приступ был, «Скорая» только уехала. Ну, ты сама понимаешь...

– Понимаю, – спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия. Да, подумал он, конечно, устала за эти годы. И я устал. Но что же делать, что же делать...

– Ну, до завтра обойдется, я надеюсь, – продолжал он. – А утром Андрей заедет за мной.

– Ага... – рассеянно, как ему показалось, ответила Ирина. И это его насторожило.

– ...за мамой здесь тетя Люба присмотрит. А я дней через пять – назад... Может, и раньше. Посмотрим, как там сложится.

– Ясненько, – ровно проговорила она, и он понял, что весь этот тон, разумеется, – протест.

– Ирина! – крикнул он. – Ну что такое?!

– Езжай, ради бога, – сказала она сломавшимся, как перед плачем, голосом и повесила трубку.

Он схватил пачку сигарет и пошел на балкон – покурить. Мать спросила вслед:

– Мадам в претензии?

– Оставь меня в покое! – огрызнулся он.

– Бедняжка! Никак не может дождаться моей смерти! –

Когда речь шла об Ирине, мать всегда переходила на патетический тон, у нее это хорошо получалось, она всю жизнь вела драмкружок во Дворце пионеров.

Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел, как внизу, во дворе, Славик моет новые «Жигули». Он так любовно протирал тряпочкой помидорно-красную крышу машины, что хотелось, как в школьном детстве, стряхнуть на эту идеально лаковую гладь пепел от сигареты.

Мать, лежа на диване, продолжала что-то говорить. Он вздохнул, придавил окурочку о перила и толкнул в комнату балконную дверь.

– ...и пересидит, переждет, конечно... И захватит тебя! – торжествующе закончила мать.

Монолог был неизменный, с незначительными вариациями.

– Лежи, пожалуйста, спокойно, – миролюбиво сказал он. – Тебе нельзя волноваться. – Но не выдержал, процедил сквозь зубы: – И не трогай Ирину, сколько можно тебя просить!

* * *

За Бричмуллой они свернули на узкую пыльную дорогу и долго еще петляли по ней, поднимаясь все выше. Андрей

остановил «Ниву» на небольшой поляне.

– Ну вот, – сказал. – Доползли. Как тебе здесь – глядится?

Внизу горбились горушки, окрашенные в охру, от темной до золотистой, с желтыми и зелеными пролысинами; над горами вздымались красновато-бурые скалы. Над всем этим дыбилось жаркое пустое небо.

– Что, нормально... – сказал он и выбрался из машины.

Поляна, на которой они остановились, заросла травой и кустарником. Повсюду торчали огромные фиолетово-чернильные шапки чертополоха, узорчатые желтые шапочки бессмертника.

Он огляделся вокруг и, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух, напоенный хрупкими тянущимися запахами.

– Лимонник... шалфей... – узнавал он. – Что еще? Мята... душица...

Чуть поодаль сбились в хилую рощицу дикие яблони. Над рощицей в скалу уперлась огромная арча, выгнутая саксофоном.

– Смотри, саксофон, – кивнул он Андрею.

– Ага, я по нему ориентировался... – ответил тот, доставая из машины сложенную палатку и тугие бокастые рюкзаки. – У нас тут дневка была в прошлом году, когда без тебя ходили.

Андрей возился с палаткой, искал в машине запропастившиеся колья, чертыхался, а он стоял и молча оглядывал такое огромное и все-таки тесное пространство, загроможден-

ное скалами.

Со студенческих лет они сплавлялись на катамаранах по горным рекам, ходили с ребятами в походы по два-три раза в году, – казалось бы, и привыкнуть можно, – но каждый раз он вновь тихо изумлялся этим громадам и задыхался, жадно глотая этот воздух.

– Виктор, поддержи! – позвал Андрей.

Он встрепенулся и пошел помогать другу ставить палатку. Давно уже он признался себе, что завидует Андрею. Тому, как сдержанно и спокойно властвует Андрей в своей жизни. Тому, как преданно заглядывают в глаза ему Вера и мальчишки. Да и в деле своем – не с наскоку, а верно и основательно забирался Андрей все выше: недавно его назначили главным инженером крупного завода. А одногодки, между прочим, одногодки... Что там говорить! Андрей был человеком удачи. И сильнее всего Виктор завидовал его семейной жизни. Как-то сумел Андрей вылепить себе половину, не сломав женщину, не повредив ее достоинство. Здесь даже не скажешь – повезло. Нет, сам сделал, сам – Верка была в институте безалаберной и дурашливой девчонкой. И не полезешь ведь в душу, не спросишь – что и как.

Взять нынешнюю вылазку: решили без женщин идти – Вера спокойно, молча сложила мужу рюкзак; если бы в последний момент Андрей велел ей собираться – собралась бы за десять минут так же спокойно и споро. Не было в их союзе междоусобиц из-за какого-то дурацкого самолюбия. Са-

моллюбие растворялось в любви и безоговорочном доверии друг к другу.

А у Ирины ее самолюбие – бастион, не подступишься.

«Да... – подумал он, забивая камнем кол в мягкую землю. – Да, все дело в безоговорочном доверии... Как же они договорились об этом? С самого начала? Или вовсе ни о чем не договаривались?»

– Сильнее натягивай, – привычно командовал Андрей. Он умел погружаться целиком в дело. Худощавый, жилистый, с всклоченной шевелюрой – сейчас он был поглощен устройством жилья.

Палатка была двухместная, отрадно-желтенькая – хорошая палатка, польская, купили в складчину для таких вот вылазок вдвоем.

– Перекусим, да? – спросил Андрей, стягивая майку и энергично вытирая ею потные грудь и спину. – Посмотри, что там Верка в рюкзак натолкала.

– Ого, чего тут только нет! – удивился Виктор, доставая из рюкзака пакеты. – Это что? Курица? Яйца. Огурцы. Сало... Что-то непонятное в бумаге.

– А, это ценная вещь, – заметил Андрей, заглянув в рюкзак через его плечо. – Пирог с капустой. Вершина творчества. Ты пошарь, там и грибочки в банке должны быть.

– Эх, черт, и куда я смотрел в институте! – воскликнул Виктор. Обычная шутивая реплика, дежурный застольный комплимент талантам Верки. Андрей на эту реплику неиз-

менно промалчивал. Произошел с ними непонятный такой случай лет пять назад.

...Весной, набрав отгулы, решили вчетвером пройти по Чаткалу на катамаране. Андрей – командиром, как всегда. Дима и Сурен шли второй раз только, а речка сердитая была, с характером. Порогов этих, водоворотов, камней! Гордая речка, горная, – оседлать непросто.

Помнится, на второй день похода у него лопнул ремешок от шлема, но до сих пор не вспомнить – почему Андрей-то без шлема оказался. Спасательные жилеты были, да только от них мало толку на этих горных речках. Течение бешеное – пошвыряет башкой о камни, и никакой жилет не спасет.

Андрея вышибло из катамарана неожиданно, стволом сухого дерева, низко наклоненного с берега над водой. Виктор сидел вторым, за Андреем, и когда того выбило в воду, вдруг увидел, что Андрей-то без шлема, и бросился за рыжей шевелюрой, крутящейся в водоворотах между камней. Прыгнул, не вспомнив о собственной незащищенной голове. Андрей плавать не умел, вот в чем анекдот. И по сей день не научился плавать, урбанист чертов.

Здорово побило их обоих, пошвыряло вдоволь, наглотались, но Андрея – полуживого он, полуживой, – все-таки выволок.

Ребят – Диму и Сурена – отнесло дальше, они растерялись, неопытные.

Андрей просил Вере о приключении не говорить. Но уже в городе, когда ждали автобуса, Дима позвонил из автомата жене и случайно проболтался. Та, конечно, немедленно позвонила Верке: мол, встречай своих героев покалеченных...

Инвентарь – скатанные катамараны, палатки, весла – хранился всегда у Андрея в кладовке, после походов первым делом вваливались к нему, это уже традицией стало. Так что свидетелями сцены в прихожей были все.

Позвонили. Верка за эти полчаса, видно, успела наплакаться – открыла дверь зареванная, с набрякшими веками, и, когда увидела его перевязанную руку, вдруг завывла и бросилась, да не к мужу, а к Виктору – обняла за шею, прижалась, больно налегая на поврежденную руку. Он растерялся и даже испугался, когда поверх ее припавшей головы увидел незнакомое, какое-то гипсовое лицо Андрея.

– Вера, я – вот он, – хрипло, спокойно сказал Андрей.

Сурен выручил – засмеялся, воскликнул с кавказским акцентом:

– Правильно, женщина! В ноги кланяйся! – Сурен редко пускал в ход этот акцент, но всегда кстати. – Он тебе кормильца спас, отца твоих детей!

...И месяца три после этого странного случая он не появлялся у Андрея, и тот не приглашал. Потом чей-то день рождения подкатил, нельзя было не встретиться – и сгладилось, выровнялось... Но изредка он вспоминал лицо Андрея, каким было оно в тот миг – бескровным, смертельно-спокой-

ным, – и осторожная мысль пробежала: а может, Андрей не так уж и счастлив, как представляется?

– ...Слушай, это какая-то дивная курица, – заметил он, обгладывая смуглое крылышко. – Это не курица, а райская птица.

– Да, Верка ее с майонезом делает, с орехами...

– «Сациви» называется, кацо...

– Нет, это по-другому, в духовке, кажется. А тебе не все равно? Ешь, – Андрей выломал куриную, перламутровую от майонеза ногу и протянул ему. – Женись, тебе Ирина тоже приготовит.

– Даже самая дивная курица не стоит такой жертвы, – отшутился Виктор.

Когда мылись, поливая друг другу водой из канистры, Андрей еще раз настойчиво спросил:

– Чего не женишься, бобыль?

– Отстань, – отмахнулся он, снимая с плеча Андрея полотенце. – Дай хоть здесь пожить спокойно.

– Нет, правда?

– Я тебе сто раз говорил: не могу я мать оставить, она больной человек! – Он начал раздражаться. – А вместе они не уживутся.

– Сам виноват.

– Может быть... – Он вздохнул. – И потом, Илюшка

растет, возраст у него сейчас самый противный – четырнадцать... Он отца помнит хорошо... Знаешь, временами я такие его взгляды на себе ловлю!

– Еще бы не глядеть ему! Парень видит, как маме весело живется... Смотри, останешься когда-нибудь и без жены, и без матери.

– Значит, судьба такая, – усмехнулся он.

– Не судьба, а ты – дурак, – спокойно сказал Андрей, взял из рук его полотенце и пошел к палатке. Крикнул оттуда: – Я – пас! Лезу дрыхнуть.

Солнце стояло еще высоко, трава звенела, тренькала, жужжала и зудела, и все это сливалось с теплым ветром в ровно дышащее молчание гор. И в густоте насыщенного звуками молчания раздавалось то далекое ржание пасущегося коня, то лай чабанской собаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.